
ПРЕДИСЛОВИЕ

Преподобный Нил Сорский, великий святой Русской православной церкви, жил в XV — начале XVI столетия. И хотя от нас его отделяют пять веков, сочинения святого и по сей день вызывают к себе живой интерес. Они переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, греческий и современный русский язык. К ним обращаются не только монахи, но и люди, живущие обычной мирской жизнью. Казалось бы, чем монах-нестяжатель может быть интересен современному человечеству, которое принято считать «обществом потребления»? Наверное, тем, что в своих творениях Нил Сорский говорит о загадочной человеческой душе. «Да познаем хоть немного достоинство душ наших, для какой жизни мы призваны», — обращается он к своим читателям.

Почти все сочинения Нил написал в небольшом скиту на реке Соре, который основал неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря. Ныне, чтобы попасть в Нилову пустынь, нужно проехать семь километров от города Кириллова (находится в Вологодской области) в сторону Белозерска и далее пройти проселочной дорогой еще восемь километров до обители. В прежние времена на повороте стоял древний восьмиконечный крест. Само место, выбранное преподобным, ничем не примечательно, не имеет особенностей. Вспоминая наши известные обители, мы сразу представляем себе их неповторимые и прекрасные ландшафты. Кирилло-Белозерский монастырь, Соловки, Валаам, Троице-Сергиева лавра — все эти монастыри имеют свое лицо, они словно срослись с теми холмами и берегами, на которых стоят. Скит же, подобный Нилову,

можно создать на любой лесной поляне. В этой безликости пустыни отразилась суть мировоззрения преподобного: главное — не внешние стены, не внешние красоты, а та внутренняя работа, которая происходит в человеке, и его устремленность к Горнему миру. Основанный преподобным монастырь стал первым русским скитом, который укладом своей жизни и уставом напоминал древние скиты Египта, Палестины, Афона.

О Ниле Сорском сохранилось немного исторических свидетельств. Неизвестно (скорее всего, не было написано) древнее Житие святого. Со временем множество легенд возникло вокруг его имени. Историческая литература создала свой собственный образ сорского старца, одинаково любящего всех: и согрешающего, и еретика, и отступника. Однако этот искусственный образ сразу начинает разрушаться, как только мы открываем подлинные творения преподобного.

Несколько раз старцу Нилу пришлось нарушить свое уединение. По повелению великого князя Ивана III он принимал участие в работе важнейших церковных Соборов: в 1490 и 1503 годах. Если у старца спрашивали духовный совет, ответы его были не всегда лицеприятны, порой жестоки, но исполнены духовной пользы. В каждом конкретном случае он рассуждал исходя из того, что ни одна заповедь Божия, даже малейшая, не должна быть нарушена. И никакие разговоры о том, что времена уже не те и невозможно жить по заповедям, не могли его переубедить.

Житие Нила Сорского нужно собирать как мозаику из уцелевших исторических свидетельств, автобиографических фрагментов его сочинений и собственноручных помет. Сохранилась отчасти личная библиотека старца Нила. Это сборники житий святых, которые он выбрал и переписал для себя, на пользу своей души, а также выписки из творений святых отцов. На полях листов встречаются пометы Нила Сорского, которые свидетельствуют о его мыслях и переживаниях. Кроме того, до нашего времени дошло несколько повестей о старце Ниле.

Первая попытка составить его Житие относится к третьей четверти XVII века. В 1674 году тотемский дьяк Иван Иванович Плешков написал повесть «О преподобном отце нашем старце Ниле и о того честней обители, иже есть во области Бела озера в Сорской пустыни». В ней он сообщил краткие сведения о преподобном, отметив, что не нашел нигде письменных свидетельств. После канонизации

Нила Сорского в третьей четверти XVII века сведения о его жизни и чудесах стали записываться. Так возникли отдельные повести: «Повесть о пришествии преподобного Нила», «Повесть о преставлении и погребении преподобного Нила», «Чудо об образе како начат писатися», «Чудо о явлении во сне царю Иоанну Васильевичу», «Чудо об избавлении отрока от нечистого духа» и иные чудеса. Они сохранились в рукописных книгах Сорского скита (ныне находятся в собраниях разных библиотек).

В «чудесах» открывается смиренный характер святого. Поразительно, но он приходит на помощь людям, которые ему не только не молятся, не служат молебнов, но и вообще ничего о нем не знают. Некоторые «чудеса» носят, казалось бы, совсем обыденный, неявный характер. Может быть, поэтому множество таких историй просто не записали. Сами монахи Нилова скита заметили об этом так: «О многих чудесах преподобного отца нашего Нила не нашли записанного, только свидетельства о нем во многих местах. И мы, грешнии тоя пустыни монахи, видехом премногие чудеса».

Сретенская свеча, затепленная старцем Нилом на Соре, дала свет многим русским обителям. Анзерский скит на Соловках был устроен по образцу Ниловой пустыни. Основатель Саровского монастыря иеросхимонах Иоанн (Федоров) написал свой устав, основываясь на духовном опыте преподобного Нила. В Нямецком монастыре Паисия Величковского и в скиту старца Василия Пояномерульского изучали и переписывали творения Нила Сорского. Оптиная пустынь, ставшая знаменитой благодаря своим традициям старчества, в 1849 году осуществила первое издание сочинений Нила Сорского. И повсюду изучение творений старца Нила сопровождалось возобновлением и расцветом духовной жизни. Ныне, справедливости ради надо сказать, Нил Сорский — полузабытый святой. Трудно найти в Москве такой монастырь, где бы святого поминали на отпустах даже в день его памяти — 7 (20) мая. Однако Нил Сорский ждет своего читателя и продолжает спасать людей.

ЧАСТЬ 1

НАЧАЛО ПУТИ

О дьяках Майковых

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста.

(Пс.1, 1)

В истории жизни любого замечательного человека особый интерес вызывают первые три главы: родители, детство, отрочество. Писатели-биографы уже давно открыли, что оригинальность личности восходит к начальной поре ее становления. В житиях святых, однако, рассказ о детстве и отрочестве святого, как правило, отсутствует: агиографы стремятся показать своих героев, прежде всего, как великих подвижников, мирские же обстоятельства их жизни представляются им временными, скоропреходящими и потому малозначительными. Чаще всего они ограничиваются скупыми сведениями о том, из какой семьи происходил святой, как звали его родителей, был ли научен грамоте.

В случае с Нилом Сорским мы лишены даже этих кратких рассказов, поскольку Житие святого не было написано в древности. Однако не все так безнадежно. Историк всегда найдет возможность для реконструкции прошлого. Монастырская запись о преставлении старца Нила сообщает, что он скончался в 1508 году в возрасте 75 лет. Путем простого математического вычисления получаем дату его рождения: 1433 год. Как назвали будущего святого в крещении, неизвестно. Поскольку монахам часто давали имена, начинающиеся с той же буквы, что и мирское имя, или по созвучию имен, некоторые историки XIX столетия предположили, что до пострига преподобного Нила звали Николаем. Но это только предположение.

О своем родстве и близком знакомстве с именитыми людьми Нил Сорский всегда умалчивал. «Есть и такие, — говорил он впоследствии, — что кичатся, происходя от известных в миру родителей, или имеют родственников среди

преимущественных в славе мира, или кто сам в каком-то сане или в чести в миру был, — и это все безумие. Это ведь скрывать подобает. Если же кто-то в жительстве отречения своего будет принимать славу и честь от людей, — это постыдно. Им подобает скорее срамить себя, нежели вышаты. Ибо кто этим себя прославляет, — слава их есть стыд»¹. Сам себя он, перефразируя Житие древнего святого Симеона Столпника, называл «невеждой и поселянином». Однако из торопливых записей монаха Германа (Подольного), с которым Нил был дружен, известно, что у старца был брат Андрей Федорович Майко, дьяк великих князей Московских Василия II и Ивана III.

Родственные связи могут многое рассказать о человеке, поэтому повесть о Ниле Сорском мы начнем с биографии его брата. Фамильное прозвище Андрея — «Майко» — образовано, вероятно, от имени собственного: имя Майко было употребительным на Руси в XVI веке. Например, в списке боярских детей, имевших в 1537 году свои дворы в Ярославле, упоминается некий Майко Грезнов. Отсутствие же фамилии у Андрея может свидетельствовать о его незнатном происхождении², ибо выходцы из родовитых семей к тому времени фамилии уже имели. Род его занятий тоже, казалось бы, говорит о невысоком положении на социальной лестнице. Как правило, дьяки Московской Руси происходили из так называемых «детей боярских». Последние представляли собой низший слой знати, служившей за поместье. Другими словами, «дети боярские» являлись предшественниками дворян. Однако в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с неким исключением. Известно, что Майковы водили знакомство с самыми аристократическими семействами Москвы: Всеволожами, Сорокоумовыми-Глебовыми, Патрикеевыми. Исторические разыскания подтверждают, что иногда среди дьяков встречались представители боярских фамилий и захудалых княжеских родов из ликвидированных удельных княжеств. Так, например, считается, что дьяки Федор и Иван Волк Курицыны происходили из детей боярских, однако, возможно, имели более знатное происхождение, так как их двоюродная сестра была замужем за князем Федором Ивановичем Стригиным-Оболенским³.

Из заметок всё того же монаха Германа (Подольного) известно, что у Андрея Майко был друг «Иван Гаврилов сын Заболоцкаго»⁴. Кто же этот человек? Иван Гаврилович Заболоцкий принадлежал к высшей московской знати, род

Всеволож-Заболоцких вел свое происхождение от смоленских князей. «Все они уже давно при переходе на московскую службу (в XIV веке) лишились княжеского титула, что не помешало некоторым из них занять видное место при великокняжеском дворе», — пишет историк⁵. Всеволожи были воеводами, исполняли важные дипломатические миссии. После смерти Василия I боярин Иван Дмитриевич Всеволож, вдовствующая великая княгиня Софья Витовтовна и митрополит Фотий фактически составили правительство при юном князе Василии II, которому в год смерти отца исполнилось только девять лет. Иван Дмитриевич являлся «большим наместником московским», то есть осуществлял верховный уголовный суд в Москве: к нему на рассмотрение поступали все городские дела об убийствах, в том числе из дворов великого князя, княгини, митрополита, а также из монастырей⁶. Впоследствии всесильный боярин попал в опалу, однако это обстоятельство никак не отразилось на карьере других представителей рода. Феодалная война, разгоревшаяся при Василии II, развела по разные стороны двоюродных и родных братьев, отцов и детей. Заболоцкие-Всеволожи, находившиеся в родстве с Патрикеевыми и Ряполовскими, сохранили свое положение при дворе.

Друг Андрея Майко, Иван Гаврилович Заболоцкий, был служилым человеком великого князя Ивана III: в 1469 году он участвовал в походе на Казань, около 1471 года управлял волостью на Двине, а в 1489/1490 году был наместником в Вологде. В 1500 году Ивана Заболоцкого в числе других представителей московской аристократии пригласили на свадьбу четырнадцатилетней дочери Ивана III Феодосии и князя Василия Даниловича Холмского, которому он, кстати, приходился родственником. Где и при каких обстоятельствах зародилась дружба между Заболоцким и Андреем Майко, не известно. Но и тот и другой принадлежали к Государеву двору.

В правление Василия II дьяки начинают играть заметную роль в управлении государством, которое всё острее испытывало нехватку в грамотных, хорошо обученных людях. В Средневековой Руси грамотность была доступна немногим: аристократии, духовенству и состоятельным горожанам. Грамотные чиновники (а дьяки являются предшественниками чиновничьего сословия) высоко ценились. Об этом говорит хотя бы судьба дьяка Кулудара Ирежского. Находясь на службе у Василия II, он пошел на предатель-

ство и сообщил о планах своего господина его заклятому врагу Дмитрию Шемяке. Великий князь велел бить Кулудара кнутом и «дьячество отнял у него». Тогда дьяк ушел служить к недругу Василия — удельному князю Ивану Андреевичу Можайскому, а после его бегства в Литву — к князю Михаилу Андреевичу Верейскому и Белозерскому. Показательно, что «изгнанный с позором с великокняжеской службы Кулудар нашел при дворах удельных князей не только пристанище, но и достаточно высокий социальный статус. Грамотный опытный дьяк был в середине XV века далеко не маловажной фигурой, и такими специалистами разбрасываться не приходилось, особенно небогатым удельным князьям»⁷.

Элиту дьяческого сословия составляли думные дьяки, они заседали в Боярской думе, а позднее, в XVI веке, имели право голоса на земских соборах. В первую очередь дьяки отвечали за делопроизводство: они писали грамоты, указы, памяти. «А на чем которое дело бояре быти приговорят, приказывает царь и бояре думным дьякам пометить и тот приговор записать». Однако думный дьяк не был простым писцом, он мог придать делу новый поворот еще при его обсуждении. Дьяки удостоверяли княжеские грамоты, подписывали титул великого князя, привешивали печать, а в отдельных случаях ставили собственную монограмму. Ни одна бумага без подписи дьяка не считалась действительной. Со временем дьяки заменили бояр при оформлении великокняжеских грамот и приобрели значение «ответственных секретарей» при великом князе⁸.

Чаще всего дьяки выступали в роли послов либо участвовали в посольствах. Выступая на переговорах от лица великого князя, дьяки были голосом своего государя: «И князь великий велел отвечать дьяку своему Василью Долматову». И тот «такое рече великого князя словом: “Что еси нам бил челом от нашего богомольца и от нашии отчины, и яз пожаловал”»⁹. При этом дьяк обладал относительной свободой и мог, что называется, действовать по ситуации. В 1497 году в Москву прибыл литовский посол, он просил помощи Ивана III против турок, которые в союзе с татарами наступали на Польшу и Литву. Вопросы послу от имени великого князя задавали дьяки Федор Курицын и Андрей Майко. Один из вопросов в дипломатическом протоколе отмечен особо: «диаки вопросили от себя». Они посчитали нужным уточнить, на чьей стороне будет выступать в этом конфликте молдавский господарь. От позиции

Стефана III многое зависело в новой войне, поэтому дьяки поступили дальновидно, как истинные дипломаты¹⁰.

Дьяки не только вели переговоры и протоколы дипломатических заседаний, но и составляли тексты мирных договоров. Известны случаи, когда дьяки по-своему редактировали эти тексты. В 1503 году в Москве близились к завершению переговоры с немецкими, польскими, литовскими и венгерскими послами, но писарь литовского посольства отказался подписать перемирную грамоту. Об отказе доложили великому князю. Тот повелел боярину «с товарищи» выяснить причину отказа. В ходе расследования дьяки сказали, что в перемирную грамоту они написали один пункт без боярского ведома. Бояре тот пункт «отставили», и грамоты были подписаны¹¹.

Понятно, что только умный человек, способный вести переговоры, мог сделать хорошую дьяческую карьеру. Умение уклончиво и грамотно говорить так же было необходимым качеством дьяка. «Во послах бывал — говорить горазд», — утверждали на Руси. Дьяк, служивший на дипломатическом поприще, должен был хорошо знать историю своей страны и соседних государств. Когда в 1471 году великий князь отправился в Новгород Великий, он взял с собой Степана Бородатого, дьяка своей матери, великой княгини Марии Ярославны. Старый дьяк хорошо знал летописи — «говорил по летописцам русским»¹².

Умные расторопные дьяки, особенно те, кто умел держать язык за зубами, становились доверенными лицами своих князей. Дьяку было проще дать деликатное поручение, нежели родовитому боярину. В силу своего положения и происхождения дьяк не мог требовать благодарности. Он находился на государевой службе: служил за поместье, данное ему князем (московским дьякам, как и окольниковым, выделялся надел до тысячи четвертей земли)¹³. Дьяческая служба была довольно прибыльным делом и помогала увеличить свое состояние. Известно, например, что Андрей Майко получил десять золотых флоринов за то, что пропустил ганзейских купцов в Москву. Нередко дьяки приобретали в собственность крупные земельные наделы и вотчины. Феноменальных состояний дьяки, конечно, не делали. Историки говорят, что в соседнем Великом княжестве Литовском они преуспевали гораздо больше. Однако зачастую дети и внуки дьяков становились крупными землевладельцами.

Поручения, которые выполняли дьяки, часто носили тайный, весьма деликатный и опасный характер. В июле

1445 года Василий II попал после неудачного сражения под Суздалем в плен к татарам и оказался в ставке хана Улуг-Мухаммада. Его двоюродный брат Дмитрий Шемяка считался старшим в роде после Василия и потому мог претендовать на великокняжеский стол. Желая прояснить ситуацию, Улуг-Мухаммад отправил в Углич к Шемяке свое посольство. Естественно, удельного князя очень устраивала сложившееся положение вещей, теперь оставалось только получить согласие хана. Поэтому он с большим почетом принял ордынского посла Бигича. Обрато в Орду тот выехал не один, а в сопровождении дьяка Федора Дубенского, который должен был отвезти хану письмо от Шемяки «со всем лихом» на Василия II, «чтобы князю великому не выйти на великое княжение»¹⁴. Таким образом, от миссии Дубенского во многом зависела судьба московского князя.

Отправляя своего дьяка с компроматом на Василия II, Шемяка еще не знал, что Улуг-Мухаммад уже отпустил князя и других пленников на Русь. Ордынский хан решил, что называется, взять деньгами: Василий пообещал ему заплатить после возвращения огромный выкуп. С дороги князь отправил в Москву своего гонца Андрея Плещеева, который должен был предупредить о его возвращении. Между Нижним Новгородом и Муромом Плещеев встретил посольство Бигича и Федора Дубенского. Какой произошел разговор между княжеским гонцом и дьяком, мы не знаем, но Бигич с Дубенским вернулись в Муром, где ордынского посла схватил князь Василий Иванович Оболенский.

По сообщению другой летописи, Василий II сам узнал о посольстве Бигича, когда подходил к Мурому. Он повелел «изымати» ордынского посла. Муромские наместники к «Бигичю выслаша меду много, он же напився и усну». Тогда люди великого князя «поимаше его и отведоша его во град, а после утопиша его»¹⁵. Каковы бы ни были детали, но ясно одно: Бигич канул в реку, а Федор Дубенский помог ему исчезнуть и перешел на сторону Василия II. Совершив такой крутой поворот в своей жизни, дьяк не прогадал — великий князь одержал верх над Шемякой, а Федор Дубенский сделал при московском дворе хорошую карьеру. Впоследствии он служил уже сыну Василия — Ивану III. В архивах сохранилось множество документов, скрепленных монограммой этого дьяка, последние грамоты относятся к 1490-м годам. Исследователи не без оснований отождествляют Федора Дубенского со старцем Троице-Сергиева монастыря Феогностом (Дубенским). На закате своих дней дьяк, вероятно,

принял постриг в этом монастыре и занял там почетное положение. В сентябре 1495 года он присутствовал на торжественном обеде, устроенном в честь избрания митрополита Симона¹⁶. Старому дьяку к тому времени уже должно было исполниться около восьмидесяти лет.

При Василии II и Иване III дьяки еще не имели четкой специализации. Они были мастерами на все руки: занимались делопроизводством, описывали земли, строили крепости в порубежных землях Русского государства. В 1491 году страшный пожар испепелил город Владимир, около 10 тысяч жителей остались без крова, в монастыре Рождества Богородицы от огня пострадала рака с мошами благоверного князя Александра Невского. Дьяк Василий Мамырев, выехавший на место по повелению великого князя, составил опись сгоревших домов и церквей. На следующий год Иван III послал другого дьяка, Василия Кулешина, город «рубить» заново. Владимир восстановили за два месяца.

В июле 1480 года Иван III испытал настоящий ужас, когда получил известие о том, что огромное татарское войско хана Ахмата появилось в верховьях Дона. Он расположил ставку в Коломне, а навстречу Ахмату выдвинул полки под командованием своего сына Ивана Молодого и воеводы Данилы Дмитриевича Холмского. В какой-то момент великого князя охватила паника, на всякий случай он отправил жену великую княгиню Софию на Белоозеро вместе с государственной казной. В случае поражения московских войск Иван III собирался бежать в том же направлении. Пока великий князь метался между Москвой и военным лагерем, столица находилась на попечении князя Ивана Юрьевича Патрикеева и дьяка Василия Мамырева.

И, наконец, говоря о дьяках, необходимо заметить, что эти чиновники Средневековья принадлежали к интеллектуальной элите русского общества. Многие из тех, чьи имена уже встречались на страницах этой книги, были писцами и заказчиками уникальных рукописей, которые говорят о высоком уровне их духовных интересов. В 1470—1480-х годах великокняжескому дьяку Григорию Волнину принадлежала «Христианская топография» Космы Индикоплова, которую он впоследствии подарил Кирилло-Белозерскому монастырю. Труд византийского купца и путешественника Космы Индикоплова (первая половина VI века) был популярнейшим произведением в средневековой книжности, так как рассказывал об устройстве Вселенной и содержал сведения о звездах, морях, реках, птицах, животных. Василий Ма-

мырев в 1480—1490-х годах заказал для себя «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского¹⁷. Сочинение болгарского писателя IX—X веков представляло собой комментарий к библейскому рассказу о Сотворении мира за шесть дней. Выписки из него были известны еще в Древней Руси. Однако полный список стал книжной новинкой XV столетия. Василий Мамырев имел превосходный художественный вкус: великолепные заставки этой рукописи восходят к византийским образцам¹⁸. В 1489 году по заказу Мамырева была написана «Книга Пророков», также украшенная замечательными миниатюрами. Историки искусства отмечают, что многие произведения московского искусства XV века имеют на себе печать той глубокой книжной и богословской культуры, носителями которой были дьяки.

Служба Андрея Майко началась при дворе Василия II: в 1453—1455 годах он впервые поставил свою подпись «Майко» под жалованной грамотой великого князя, адресованной игумену Герасиму, настоятелю Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере¹⁹. Поскольку перед подписью Андрея не стоит слово «дьяк», можно думать, что в это время ему еще не был пожалован дьяческий чин. Однако работа, которую он выполнял, вполне соответствовала этому статусу. По наблюдениям историков, дьяки получали свой чин уже в зрелом возрасте, так как их профессия требовала жизненного опыта. Например, Василий Мамырев стал дьяком в возрасте около сорока лет. Подпись «дьяк Майко» стоит на указной грамоте великой княгини Марии Ярославны игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину, составленной в 1474—1478 годах²⁰. Скорее всего, в дьяки Андрей Майко был пожалован гораздо раньше. Мамыреву дали дьяческий чин через четыре года после того, как он подписал первую государеву грамоту. Если допустить такую последовательность событий для Андрея Майко, то он стал дьяком примерно в 1457—1459 годах. И если в это время ему исполнилось около сорока лет, то мы получаем примерный год его рождения: между 1417 и 1419 годами. Это значит, что Андрей был намного старше своего брата Нила.

После смерти Василия II в 1462 году Майко перешел на службу к его жене — Марии Ярославне. Монограмма, похожая на ту, которой дьяк обычно заверял княжеские грамоты, стоит на жалованной грамоте княгини игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию. Согласно этой грамоте, датируемой 1471—1475 годами, монастырские лодки, суда и возы с товарами освобождались от пошлин

за проезд через шехонские волости Марии Ярославны²¹. Осенью 1477 года великая княгиня отправила Андрея Майко в Кирилло-Белозерский монастырь с важной и деликатной миссией. Дьяк должен был договориться с игуменом Нифонтом о монашеском постриге Марии Ярославны. 2 февраля 1478 года, в праздник Сретения Господня, игумен Нифонт постриг княгиню в монашество на ее дворе в Москве и нарек ей имя Марфа²². После пострига двор великой княгини был, видимо, распущен, а Андрей Майко стал служить ее сыну — Ивану III. Однако возможно, что возвращение Андрея ко двору великого князя совершилось не так скоро. Жалованная меновная (обменная) грамота вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Спасо-Каменного монастыря Нифонту, составленная около 1480/1481 года, заверена следующим образом: «А подписал дьяк Федор Мячков»²³. Однако на обороте документа близ княжеской печати значится — Майко. Грамота сохранилась в поздней копии. Если текст был скопирован правильно, то это значит, что Андрей Майко некоторое время служил при дворе вологодского князя, который скончался 10 июля 1481 года.

Послужной список дьяка имеет ряд особенностей. Нетрудно заметить, что первые десятилетия его службы были связаны с Белозерьем и Вологдой. Вероятно, Майко хорошо знал эти земли: расположение владений и угодий, их владельцев. Интересно, что родственники Ивана Гавриловича Заболоцкого, с которым дружил Андрей Майко, имели княжеское пожалование в Белозерье. Дед Заболоцкого, Иван Иванович, по прозвищу Молодой, в 1400—1420 годах владел на правах кормленщика волостью Киснема на северном берегу Белого озера. Эти права впоследствии перешли к его детям Льву, Дмитрию и Гавриле (отцу Ивана Гавриловича)²⁴. Возможно, какие-то земельные владения в Белозерье были и у Майковых.

И еще один неожиданный штрих к биографии Андрея Майко. Мы уже упоминали, что он иногда вместо подписи ставил свою монограмму. Однако далеко не все дьяки заверяли подобным образом княжеские грамоты. Современные исследователи установили, что некоторые монограммы образованы из букв уйгурского алфавита, на котором велась документация в Золотой Орде²⁵. Иногда монограммы представляли собой зашифрованные имена дьяков, как, например, у дьяка Кулудара, иногда целые фразы. Вполне вероятно, что Андрей Майко знал уйгурский язык; не случайно

при его участии составлялись «списки казанские старые и грамоты посыльные» в Царском архиве²⁶, то есть формировался фонд архивных документов, связанных с Ордой.

С 90-х годов XV века начинается новый этап в биографии Андрея Майко, его карьера делает крутой виток вверх: отныне он принимает участие практически во всех важных переговорах с иноземными послами, сам ездит с посольствами. Но речь об этом еще впереди.

Город детства

И будет яко древо насажденне при исходящих вод, еже плод даст во времяе.

(Пс. 1, 3)

Детство и отрочество Нила прошли в Москве. Это был небольшой город, который мало походил тогда на столицу европейского государства. Белокаменные стены, построенные при князе Дмитрие Донском, опоясывали Боровицкий холм. К середине XV века укрепления еще не достроили, поэтому татары постоянно создавали реальную угрозу для захвата Кремля. Сегодня он нам кажется небольшим, а тогда в часы опасности за его стенами укрывалось все население столицы. «Летом Московский Кремль утопал в зелени, окруженный садами и рощами. Таким его видел еще до перестройки Кремля при Иване III итальянец Барбаро (“замок расположен на холме и со всех сторон окружен рощами”). Зимой его строения, покрытые белым снегом, с золотыми крестами, со свинцовыми кровлями, казались воплощением народных представлений о сказочных городах»²⁷.

Кремль был своего рода городом в городе. Его низинная часть, расположенная у подошвы и по склонам холма, называлась Подолом. Она была густо заселена: здесь находились дворы служилых людей, купцов, великокняжеских слуг, а также хозяйственные дворы великого князя и его бояр. В черте кремлевских стен располагались мастерские ремесленников, обслуживавших знатных людей. На вершине холма стояли великокняжеский дворец и терема удельных князей и бояр; здесь же размещались владения митрополита, священников кремлевских соборов. Дворы были окружены высокими заборами, они представляли собой целые усадьбы с жилыми домами, садами, огородами, житницами и амбарами. Усадьбы образовывали улицы, вы-

мощенные камнем. Через крепостные ворота они выходили на посады. Вдоль берега Москвы-реки, у подножия Боровицкого холма проходила древняя Великая улица. «Проходя через Тимофеевские ворота, она объединяла часть Подола, вошедшего в состав Кремля, и Зарядье — наиболее оживленный прибрежный район, связанный с причалами и большим торгом, который вытянулся... вдоль приступной кремлевской стены»²⁸.

Иметь двор в Кремле было почетно, поэтому бояре и служилые люди всегда с неудовольствием воспринимали переселение в другие части города. В Кремле все жили довольно тесным миром, хорошо знали друг друга. Где в то время стоял дом Майковых, мы не знаем. В XVII веке их двор находился в Китай-городе, но можно предположить, что в детские годы Нила семья государева служилого человека размещалась в Кремле.

Москва времени Василия Темного практически вся была деревянной, средств на каменное строительство не хватало. Частная каменная застройка в городе началась только в 80-х годах XV столетия. Поэтому пожары были настолько частым явлением, что каждый житель Кремля успевал за свою жизнь построить не один дом. Даже великокняжеский дворец оставался деревянным, за исключением нескольких каменных палат. Во дворце у княгини был «златоверхий терем», обращенный к берегу и называвшийся «набережным». Парадный вход в терем украшало двухэтажное крыльцо-рундук, с резными колонками-балюстрадами. 1 февраля 1394 года на дворе великой княгини освятили каменную церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Сенях. Набережная палата великого князя, вероятно, была каменной; ее «страннолепно» расписал «подписью» «незнаемую» знаменитый византийский художник Феофан Грек, много работавший на Руси. Он же нарисовал «саму Москву» на стене дворца у князя Владимира Андреевича Храброго, героя Куликовской битвы. Его двор стоял рядом с великокняжеским дворцом.

Кремль был не только великокняжеской резиденцией, но и церковным центром. Здесь находились монастыри — Чудов, Спасский, Вознесенский — и размещались подворья крупнейших русских обитателей: Троице-Сергиевой, Кирилло-Белозерской, Симоновой. Отдельно стояли храмы с прилежавшими к ним кладбищами. Центром Кремля являлась Соборная площадь, которая в первой половине XV столетия не была еще столь парадной и торжественной,

какой мы ее знаем сегодня. Тогда здесь стояли небольшие каменные церкви: Успенский собор, церковь Благовещения и храм архангела Михаила. «Успенский собор находился на самой высокой точке кремлевского холма: в народе его прозвали церковью Успения “что в Маковце”, то есть на маковице, на макушке. Он царил над невысокими деревянными постройками, выделяясь белизной и мощью известняковых стен, украшенный изящными резными поясами из семилепестковых пальмет и балясинок»²⁹. Этот одноглавый храм был освящен еще при Иване Калите — 14 августа 1327 года; осенью 1329 года к нему пристроили придел — крошечную церковь в честь праздника Поклонения веригам апостола Петра. Здесь в каменной гробнице покоились мощи митрополита Киевского и всея Руси Петра, святого покровителя Москвы.

Рядом с Успенским собором возвышалась главная московская колокольня, также построенная при Калите. «Она представляла собой восьмигранную белокаменную башню. Верхнюю часть башни прорезали арки, в пролетах которых размещались большие и малые колокола. В нижней части башни князь Иван Данилович велел устроить маленькую церковь во имя своего небесного покровителя — святого Иоанна Лествичника. По названию этой церкви москвичи издавна называли колокольню Иван Великий»³⁰. Каменный храм во имя архангела Михаила Калита построил в 1333 году по обету, в благодарность за избавление Руси от голода, вызванного «рослой» (пошедшей в рост и не давшей зерен) рожью³¹. Архангельский собор стал усыпальницей московских князей. Их домовая Благовещенская церковь, построенная во времена Дмитрия Донского, предназначалась для семейной домашней молитвы. Крытые переходы связывали церковь с великокняжескими теремами. В 1405 году храм расписали Феофан Грек, чернец Андрей Рублев и старец Прохор с Городца. В подклете церкви хранилась казна великого князя. Эта часть древнего храма сохранилась до наших дней, она уцелела в ходе строительства нового здания в 1416 году и при более поздних перестройках в 1485—1489 годах. На башне-часовне рядом с Благовещенской церковью сербский монах Лазарь, пришедший в Москву с Афона, установил в 1404 году первые боевые часы. «Народ удивлялся сему произведению как чуду»³². В Троицкой летописи сохранилось подробное описание их устройства: «Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и раз-

считая часы ночные и дневные. Не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преимечтано и преухищрено»³³. К середине века жители Кремля уже привыкли к этому чуду. Под бой часов прошли детство и отрочество Нила Сорского. Иван Великий звал его на службу, часы же напоминали, что время скоротечно, а человеческая жизнь — это «пар, пыль и пепел». Во всяком случае, так он напишет впоследствии, перефразируя известную стихирю Иоанна Дамаскина, в своем монастырском уставе.

Неподалеку от великокняжеского дворца располагался княжеский монастырь с церковью Спаса на Бору. В первой половине XV столетия в Кремле еще стояли вековые сосны-великаны, напоминавшие о том густом сосновом бору, который в незапамятные времена шумел на месте Москвы. Небольшой монастырский храм в честь Преображения Господня долгое время служил усыпальницей. Здесь была похоронена княгиня Александра, мать Дмитрия Донского, и почивали мощи просветителя зырян епископа Стефана Пермского. В Преображенской церкви перед кончиной принял постриг Иван Калита, а впоследствии и его сын Симеон Гордый, умиравший от чумы.

Митрополичий двор находился к северу и западу от Успенского собора. В 1450 году святитель Иона заложил здесь каменную палату, а при ней домовую церковь в честь Положения ризы Пресвятой Богородицы. Такое же посвящение имел знаменитый Влахернский храм в Константинополе, где хранился мафорий Пречистой Девы — шерстяной плат, покрывавший Ее голову и плечи. Митрополит Иона посещал столицу Византийской империи, и какие-то его личные впечатления и упования, безусловно, определили выбор храмового праздника. С глубокой древности Влахерны были величайшей святыней христианского мира. В царствование императора Льва I Мудрого (457—474) два патрикия, Гальбий и Кандид, тайно вывезли из Палестины в Константинополь мафорий Пресвятой Богородицы. В церкви, где патрикии спрятали свое сокровище, постоянно звучало пение, горели свечи, а воздух был напоен сладкими ароматами. Это чудо стало известно всему городу. Император повелел построить для святыни храм во Влахернах и поместить ее в драгоценную раку из серебра и золота. В 882 году, когда русские корабли угрожали Константинополю, весь город вышел на торжественную процессию. Ее возглавил патриарх Фотий, который нес мафорий Бого-

родицы. Патриарх опустил края ризы в море, тотчас поднялась буря и разметала русские корабли.

2 июля 1451 года, в праздник Ризоположения, Пресвятая Богородица укрыла своим мафорием и Москву. С ее заступничеством жители города связывали избавление от «скорой татарщины» — внезапного нашествия войска ордынского царевича Мазовши. Осадившие Москву татары сожгли все посады и «со все страны ко граду приступаху... и стрелы на град напушающе»³⁴. Тогда горожане во главе с митрополитом Ионой, на которого Василий Темный оставил столицу, обошли с крестами и иконами городские стены. К вечеру татары отступили, а наутро осажденные в радостном изумлении увидели, что они бежали, бросив в панике свое оружие и награбленную добычу. В память об этом событии на Боровицком холме до сих пор стоит Ризоположенский храм.

За стенами Кремля располагался Великий посад: его естественными границами стали Москва-река и Неглинка. Улицы Никольская, Ильинка и Варварка были главными улицами Великого посада. Здесь находились укрепленные дворы знати и богатого купечества, площадь некоторых дворов достигала двух тысяч квадратных метров. Ремесленники жили преимущественно на дворах знати, постепенно они стали переселяться в ремесленные слободы³⁵. Уже в начале XV века Великий посад имел защитные сооружения.

С восточной стороны к стенам Кремля примыкали торговые ряды, спускавшиеся к Москве-реке. С конца октября, как только замерзала река, вся торговля в городе прекращалась и перемещалась на рынок, устроенный на реке. «На таковой рынок ежедневно, в продолжение всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и другие нужные припасы», — записал итальянец Контарини, посетивший Москву в 1460-х годах.

За Москвой-рекой начиналось Заречье — наименее заселенный район города, поскольку именно отсюда, с юга, чаще всего к городу подступала опасность. Здесь проходила дорога в Орду, о чем в напоминание нам осталась улица Большая Ордынка. В тихие летние дни Заречьем можно было полюбоваться из окон высоких кремлевских теремов. По берегу реки расстилался обширный зеленый луг. Но чаще всего в эту сторону смотрели с опаской, наблюдая, как клубы пыли, поднятые множеством конских копыт, стремительно надвигаются на город. После татарских набегов Заречье зловеще чернело пепелищами и остовами печей.

К западу от Кремля, между современным Арбатом и Москвой-рекой находилось Занеглименье. Московская застройка всегда отличалась нерегулярностью. Жилые дома сосредоточивались вокруг храма, а дальше шли пустыри, овраги, луга — и вновь небольшие группы домов. Приходские церкви того времени практически все были деревянными, а некоторые из них — такими маленькими, что умещались под сосной, как церковь Ильи-пророка в Посаде. В первой половине XV века Москва находилась в границах Белого города (нынешнее кольцо бульваров). Почти на окраине города стояли Симонов и Андроников монастыри.

Дома москвичей в те далекие времена представляли собой «неглубокие врытые в землю срубы из добротных еловых или дубовых бревен»³⁶. Жилые комнаты размещались над землей, а нижний этаж занимал погреб. Дома были небольшими, их общая площадь составляла 20—25 квадратных метров. Иностранцев поражала простота убранства московского дома. Его центром была печь, которую топили девять месяцев в году, чтобы согреться и приготовить пищу. Печь служила и спальней для всей семьи. Избы топились по-черному. Если заморский гость для постоя находил «белую избу», это считалось редкой удачей. Некий Даниил, принц из Бухова, который побывал в Москве в 1576 году как чрезвычайный посол императора Священной Римской империи Максимилиана II, с недоумением заметил по поводу московского быта следующее: «Если бы они были хотя бы несколько людьми образованными, и если бы им была по сердцу жизнь более человеческая, то они с небольшими издержками могли бы жить пышно»³⁷. Однако с точки зрения русского человека, такая простота в быту была понятна и разумна. Чем меньше имеешь, тем легче терять. Москва часто выгорала дотла. Так вырабатывалось то особое отношение к жизни, которое воплотилось в нестяжательности русских святых.

Нестяжательность — понятие многогранное. Но если попытаться суммировать всё сказанное о нем, то можно определить нестяжательность как неимение лишнего. В московских домах, по свидетельству иностранных гостей, даже набор глиняной и деревянной посуды был минимальным. Эту особенность древнерусского быта отметил замечательный русский историк В. О. Ключевский: «Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами... В Древней Руси

было иначе. Дома жили неприхотливо, кой-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ним и свои недостатки»³⁸.

Но оставим быт и попытаемся понять, какие духовные явления озарили отрочество и юность будущего святого.

Дивные лики

Сказал ми еси пути живота, исполниши мя веселия с лицем Твоим красота в деснице Твоей в конец.

(Пс. 15, 11)

Ни в чем так зримо и полно не отражаются духовные искания эпохи, как в художественном творчестве. Даже слово не всегда способно раскрыть сущность явлений так, как образ. Столетие, предшествовавшее рождению Нила Сорского, было великой эпохой в истории древнерусского искусства. Этот период еще называют вторым знакомством Руси с Византией. В конце XIV века в Москве работали выдающиеся греческие и южнославянские художники, в монастырях Константинополя и Афона переводили на славянский язык творения святых отцов, эти книги поступали в библиотеки русских обителей. В 1344 году на Русь после длительного перерыва, вызванного татаро-монгольским нашествием, прибыли греческие мастера. Они украсили фресками Успенский собор в Московском Кремле и, вероятно, написали несколько дошедших до наших дней икон. Среди них погрудное изображение Христа Вседержителя, уже в древности получившее название «Спас Ярое Око»³⁹. Это, безусловно, знаковая для своего времени икона. Лик грозного и неумолимого Судии смотрит в самую глубь человеческой души через пространство и время.

В первом, самом древнем здании Успенского собора находился образ «Троицы» середины XIV века. Он был полностью переписан в 1700 году, первоначальная живопись сохранилась лишь на ликах среднего ангела и праматери Сары. Ныне икона, которая по-прежнему пребывает в Успенском соборе, производит удивительное впечатление, как будто открывает окно в иную, неземную, реальность. Из-под поздней живописи, уже далекой от духовной

сущности вещей, проступает лик божественной красоты. На алтарной преграде Успенского собора греческие художники изобразили древних святых египетской Фиваиды и Палестины: Павла Фивейского, Феодосия Великого, Евфимия Великого, Антония Великого, Ефрема Сирина и Исаака Сирина. Эти фрески, видимо, были отчасти воспроизведены в росписи нового Успенского собора 1481—1482 годов артелью художников под руководством знаменитого русского мастера Дионисия. Лики святых также украшали алтарную преграду Благовещенского собора, расписанного Феофаном Греком, Андреем Рублевым и Прохором с Городца, что говорит о живописной традиции, утвердившейся в кремлевских соборах. Алтарная преграда символизирует собой врата в Царство Небесное, именно сюда во время богослужения устремлены взоры молящихся людей. Лики древних святых, изображенные здесь, напоминали о живой и вдохновенной вере в Бога. Они говорили без слов, что путь к спасению души есть подражание житиям святых. Именно этот путь избрал для себя Нил Сорский, для него этот художественный знак не остался незамеченным.

В 90-е годы XIV столетия благодаря активным художественным контактам Русь знакомится с культурой исихазма, которую завещала нам уходящая в небытие Византия. Эпоха, предшествовавшая падению великой империи, была наполнена напряженными духовными поисками и спорами, касавшимися глубинных основ православного учения о молитве. За десятилетие с 1341 по 1351 год в Константинополе состоялись три Церковных Собора, на которых авторитетом Церкви была подтверждена достоверность опыта монахов-исихастов. В чеканных богословских формулах святителя Фессалоникийского Григория Паламы нашла свое окончательное оформление и осознание тысячелетняя традиция «умного делания», мистического богословия «обожения».

Противник Паламы, калабрийский монах Варлаам, рационалист по убеждениям, утверждал, что только «внешняя мудрость» может быть средством Богопознания. Под «внешней мудростью» подразумевалась древнегреческая философия, причем преимущественно аристотелевского направления, «выше и больше» которой, по мнению Варлаама, «нет ничего». Как говорил сам калабрийский монах, он выступал «для опровержения тех, кто преступает законы мышления»⁴⁰. Свой силлогизм Варлаам строил так: «...если Бог есть истина, то незнание истины есть незнание Бога,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru